

Жадежда Чернова

И УТРО, И ВЕЧЕР

ДИКАРКА

1

Босое Утро с крынкою бежало,
И молоко ромашкой расплескало
По всем пригоркам, до лесных границ.
Теперь сидит и плачет у криницы.
Ей лет шестнадцать, как и мне.

Искрится

И падает роса с её ресниц.

Я акварель разбавила водой.
Я написала Утро молодое,
Сырое, оно пахло молоком.
В траве мелькали розовые пятки —
Босое Утро мчалось без оглядки.
Но кто-то, кто-то на мольберт мой шаткий
Приладил стебель с утренним цветком...

2

...И через годы, через дым былинный
Я вижу незабвенные картины:
Со дна реки всплывают облака,
Как белый Китеж — терема и храмы.
И серебром кипят речные ямы —
Там ходит язь и пестует малька.

Как на полотнах старых мастеров,
Клубятся рощи. И стада коров
Бредут к реке. Река глазищи пучит,
Вся пузырится, ходит ходуном,
И где-то погромыхивает гром,
Но мы совсем не думаем о том —
Художник местный нас искусству учит,
За просто так, за медные гроши,
Прошаря нам, что красками грешим.
По-стариковски он сутулит плечи.
Ему лет двадцать, может, двадцать три.
Он кутается в шарф красней зари,
И сам похож он на июньский Вечер.

Трёх учениц ему учить не лень.
Одна прекрасна, как июньский День:
Вся золотая, вся из солнца юга.
А у второй — в глазах такая Ночь,
Которую одной не превозмочь,
Без жарких слов и без объятий друга.

И я меж ними: между Днём и Ночью,
Меж мелких ссор и болтовни сорочьей.
Я — только Утро. Я — ещё мираж.
Ещё — никто. Я — вся ещё в начале.
И потому меня не замечали
Ни День,
Ни Ночь,
Ни хмурый Вечер наш.

3

Мы на этюдах, у реки, у леса.
Учитель наш следит без интереса,
Как мы терзаем бедные холсты.
Его песок приречный занимает —
На нём вода рисунки оставляет
Причудливой и дикой красоты.

Смеётся День, поймав за хвост синицу.
Вздыхает Ночь. Ей на плечо садится
Из чёрного муара махаон.
А Вечер, наш художник странноватый,
Всё смотрит на речные перекаты,
И больше ничего не видит он.

4

Черёмуха, боярышня-боярка.
Заброшен мой этюд.

Бегу, дикарка,
И прыгаю с обрыва на баркас.
Там никого, и он давно заброшен,
В ракушках белых, в солнечной пороше.

И День,
И Ночь,
Мне хорошо без вас!

О боже! Где училась я науке
Так хохотать, заламывая руки,
Чтоб раздувал мне ветер сарафан,
Чтоб солнце мне подмышки золотило,
И палуба гудела и ходила,
Как барабан,
Как гулкий барабан?

5

Зияла пропасть между мной и кручей.
Вода кипела огненною тучей —
По небу с ветром двигалась гроза.
И в этот миг художник мой неожиданно
Перелетел ко мне.

Сияя странно,
В мои зрачки вошли его глаза.

Плясали мы, как волны и как ливень,
И никогда уж не были счастливей,
Чем в ту грозу, так сблизившую нас.
Куда всё подевалось? Я не знаю...
Гудит река, зелёная и злая,
И догнивает брошенный баркас...

6

И День погас.
И Ночь отбушевала.
На берег волны катятся устало.
И знают, может, только небеса
Всё о любви, о страсти, о печали.
А я — мираж, я — Утро, я — в начале,
И вновь лучом мелькаю по лесам.
Там бродит Вечер с рисовальной папкой,
И в красный шарф он кутается зябко,
И говорит с залётным ветерком.
И на останки старого баркаса
Кладёт цветы — из нежного атласа
Ромашки,
или мяту с васильком...

В ТРАВАХ

1

В заречных лугах, до небес
Поднялся ромашковый лес,
Поднялся в томительном гуде
И синий шалфей, и чабрец —
Принявшие смертный конец,
Взошли травостоями люди.
И птицы, и кони земли
Травой полевою взошли.

И бабочек лёгких зарницы,
Лежавшие вечность в пыли,
Взошли

золотой
медуницей...

2

Не бойся!
Мы тоже взойдём,
Мы тоже вернёмся однажды.
Губами, сухими от жажды,
Дождя молодого попьём.

Стремятся купальницы ввысь,
С подводной травой обнялись,
И каждая завязь крылата.
И вновь обнимает плетень
Зелёная, нежная мята!

Ты помнишь, когда-то, когда-то
И мы обнимались весь день,
И ночь, и до самой зари,
Пока с тополей сизари
Не падали в лог сыроватый.

Объятий вовек не раззять —
Я буду с тобою опять
И там, где забудется имя.
Взойдёт одуванчиков рать,
А мы с тобой станем сиять
Огнём-купиною над ними!

3

Новенькая свитка,
Рожки для красы —
Смотрится улитка
В зеркальце росы.
Держит на ладони
Модницу лопух.
В шумной его кроне
Бродит Летний Дух,
Весь пропахший сеном,
Мёдом луговым.
Над вселенским тленом
Жизнь проходит с ним,
Вечно молодая —
Как не полюбить?
Платье — до Валдая,
Косы — до Оби.

4

Ты даришь мне охалку первых маков,
С холмов Иссyка в дымке голубой.
Порыв любви повсюду одинаков,
Но мы о том не ведаем с тобой,

Хоть прожит век, хоть шли мы за Судьбой
Среди былья и золочёных знаков.

Когда-то здесь к любимому входила
В шатёр высокий юная жена.
И простыни им лунные стелила
На брачном ложе, пела им Весна.
Перин духмяных накидала груды,
Едва зажглась вечерняя звезда.
А утром маки вспыхнули повсюду,
Как выдохи восторга и стыда!

Теперь здесь камень.
И блесит слюда
Навек окаменевшими слезами.
Убит любимый.

И под небесами
Печальный день не кончится никак —
Летит стрела, что посылает враг.
Из вечной раны вечно кровь струится,
К ногам скалы,
и в поле,
и овраг,
Где пламенеют маки в огневице...

5

Вечерние травы поют...
Ты слышишь ли эти хоралы
Левкоев и клеверов алых,
Рождённых на пару минут?

За синей рекой, за горой,
Где мёду полно молодого,
Так пела вечерней порой
Моя кочевая родова.
Сначала вела старики,
Степенно, всё ниже и ниже —
Так бешеный норв реки
Смиряется к осени ближе.
Не ропот, а рокот небес
В раскате той песни вечерней...

И ангельский голос дочерний,
И плач овдовевших невест
Взвивался над рощей ракии,
Вплетался в распев стародавний,
Где столько великих страданий,
Но песня сердца исцелит...

6

В травах, высоких травах
Так хорошо:
Мак зацветает — справа,
Слева — ковыль взошёл.
Кто-то тебя узнает,

Может быть, василёк —
Вспыхнет листва резная
Возле степных дорог!
Кровная плоть, цветочек,
В мире мы не одни:
Синие смотрят очи
Курской моей родни.

Песнями оглашая
Затравеневший шлях,
Едет родня большая
В Азию на волах.
А из степи полынной,
Чтобы развеять грусть,
Всадники ночью длинной
Скачут в святую Русь.

Где-то и поякшались.
Где-то и разошлись.
В поле перемешались.
Травами назвались...

В ПЕСКАХ

1

Глазами чистого ребёнка
Глядит окошками мой дом,
Как с облаков по нитке тонкой
Сбегает солнце пауком,
Как два холма, набычась лбами,
Глощают ящериц на спор,
Как птица вьётся над песками
И держит в клюве эхо гор.

2

Глухая провинция. Лето.
Жара и горячий песок.
Край света?
Конечно, край света.
Россия, а всё же — Восток.

Две пушки. Орёл на лафете.
Здесь крепость.

И в царской тюрьме
Возносятся сорок мечетей,
И церкви — на каждом холме.

Базары. Лабазы. Верблюды.
Китаец в халате цветном,
С улыбкой загадочной Будды.
И — солнце за каждым окном!

За каждым окошком — портреты.
Поэты с портретов глядят.
Край света. Казачьи пикеты.

Восточный форпост Семь Палат.
Недаром Россия ссылала
Великих строптивцев сюда —
Великой провинция стала,
Как в пойме иртышской вода.

3

Он песню тянет про степной поход,
Протяжную, такую, чтоб хватило
На всю дорогу — до порога милой,
А там он песню новую начнёт.

Закончен караванный переход.
Верблюды опустили на колени,
Закрыв глаза от радости и лени,
И по губам слюна у них течёт.

А милая воды набрала в рот
И притворилась, что певца забыла.
Но будет ночь.

Как золотое шило,
Проколют звёзды крепкий небосвод.

Певец в Степи любимую найдёт,
Горячую, дрожащую от страсти.
Сверкнут во тьме старинные запястья,
Где высечен любовный приворот.

Протяжна песнь, а ночка коротка.
Желты бока верблюжьи от песка.
И снова — в путь,

чтоб кровь не остывала!

До новых юрт.
До тихого привала.
До сладкого, как губы, родника...

4

Он день и ночь сидит на плоской крыше,
Какая бы ни грянула гроза.
Ползут пески.

Горячий ветер дышит.
Съедает соль бессонные глаза.

Внизу аул живёт и умирает,
И вновь плодится. Моется песком.
И топит печи круглые кураем,
Считая раем глинобитный дом.

А он сидит на крыше недвижимо
И смотрит вдаль, на синее пятно:
Там, за стеной полуденного дыма,
Живое море,
что ушло давно.

Он ждёт его: ещё не сгнили снасти
И плоскодонка старая цела.

Сменился век.
Переменились власти.
Сгорела жизнь минувшая дотла.

Всё суета!
Всё прахом разлетится,
Потом осядет на морское дно.
А море — вечно. Море — возвратится,
И он его дожждётся всё равно...

5

Степная белая олива
К жару азийской терпелива,
Но всё же дождик сторожит.
Кругом песка потоп всемирный,
А над песком — мираж эфирный,
Пустыни этой старожил.

Идёт он по равнине голой,
Босой, в рубахе длиннополой,
Мираж по имени Мади.
Когда-то здесь шумело море,
И люди жили, с ветром споря,
И сердце мучилось в груди.

Нет никого — одни вараны,
Кричат, зализывают раны,
И в бой бросаются опять.
Бредёт Мади на старый берег,
Где от весны остался ерик,
Чтоб там ракушки собирать.

Его никто вокруг не видит,
А потому и не в обиде
На дервиша былых времён.
Он на ракушках погадает,
Песок в ладонях покидает —
И ливень приворожит он...

6

Кто ходит по пескам — не думает о вечном:
Едва ступил — уже стираются следы.
Воочию видать, как время быстротечно,
И не дойти вовек до Утренней Звезды...

ЖИВАЯ ДУША

1

Однажды, в безлюдной пустыне,
Под небом, солёном от звёзд,
Я слышала звуки простые
Свирили.
Был складен и прост
Мотив её песни пастушьей.
Он счастье тому приберёт,

Кто воле небесной послушен,
Кто страсти земли превозмог...

2

В пещерке сирой, на горе Афон
Жил ветхий старец. И со всех сторон
Сияло море, острова и скалы,
И в блеске утра, и в закатах алых.

Горело и полуденное солнце,
А старец загоразживал оконце.

И вопрошал паломник удивлённый:
«Зачем от глаз ты прячешь мир зелёный?
Живая жизнь любых видений ярче,
Зачем ты загоразживаешь, старче?»

И молвил старец страннику в ответ:
«Когда б узрел ты внутренний мой свет,
Когда б увидел, как светло внутри,
Не посмотрел бы и на свет зари...»

3

Жизни своей у неё не осталось —
Вся расточилась на слёзы потерь.
Ночь. Тишина. Одинокая старость.
Кто там стучит в обветшалую дверь? —
Ветер!

Впустила листок золотистый —
Это берёзы последний привет.
В ветхий платок из цветного батиста
Спрятала — к письмам оплаканных лет.

Голубь бумажный времён Сталинграда.
С чёрной каймою конверт из Чечни.
Из преисподней, из пекла, из ада
Посланы были когда-то они.

В окнах поёт изумрудная муха,
Или сидит на стене, не дыша.
Не прогоняет летунью старуха:
Всё не одна, всё живая душа...

4

Среди распада и разлук,
Таких, что нет надежд на встречу,
Я помню трепет твоих рук,
Твои взволнованные речи.

В закатном зареве окон
Как будто наша жизнь сгорала,

И лился колокольный звон
С церквушки около вокзала.

Он в тёмном воздухе парил,
Он восходил к юдоли дальней.
Ты говорил и говорил,
Как будто был в исповедальне.

О грешных, низменных страстях,
О преступленьях ради хлеба,
О детских, утренних полях,
Где нет земли, а только небо.

Среди распада и потерь,
Средь одиночества глухого
В тебе смирялся дикий зверь,
В тебе любовь сияла снова.

И оживало всё вокруг,
И виделось сквозь блеск зарницы:
Бежит ребёнок через луг,
Раскинув руки белой птицей.

5

По берегу бреду. Песок и тина.
Темнеет Лета. Веет холодком.
На ней всегда весенняя путина
И в лодке старец с ветхим неводком.

Он усмехнётся. Задымит сигаркой:
Мол, столько было превеликих гроз,
Так от любви горело небо жарко,
И потому упало столько слёз.

Полным-полна водой солёной Лета,
И как стихия всякая, слепа.
А ты ступай, успеешь до рассвета
Вернуться к жизни!

Вон твоя тропа.

Она лучом спасительным светлеет,
Пронзая бор дремучий на горе —
Там костерок неугасимый тлеет
И вспыхивает ярче на заре.
Там ждут тебя.

Не отвергай живого.
Бог даст, любовь согреет сердце снова,
О ней живое подаёт нам весть:
Звенит пчела. Листвы не перечесать
Средь воздуха, от утра голубого.
И Божьим Духом явленное Слово
Глаголет с неба:

время ещё есть!

